

ИВАН ТРЕТЬЯКОВ – 100

ИВАН ТРЕТЬЯКОВ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Сказание о гвардии полковнике, крестьянском сыне

Из цикла «Пахари двадцатого века»

...Нынешние поколения привыкли к благам цивилизации, многие настоящего крестьянского труда не представляют, а иные думают, что жизнь – это кривлянье на танцуйках, что все вопросы бытия решаются под знаком секса, что все, что надо человеку, растет в кафе, ресторанах и отелях, иные даже догадываются, что жизненные блага творятся не на балах и приемах, но где-то там, за кадром, какими-то существами неведомой породы, без дворянских и княжеских корней, которых раньше, кажется, называли то ли крестьянами, то ли колхозниками, а ныне кличут какими-то совками... И если кого-то из таких, от рождения иждивенцев, и даже тех, кто трудится на разных производствах – ответвлениях от главного стержня жизни, провести по тогдашнему хозяйству Бурковых – рядовому, кстати, хозяйству начала XX века, доколхозного периода, то пришлось бы, как в музее, объяснять, что к чему, как и зачем делается. И они подумали бы, что их опустили в забытую древность. Но пойдёмте, читатель, с отлученными от истории, и поясним, где что, чтобы они знали, в какой обстановке жили наши вечные кормильцы, выдвигавшие из своей среды героев и гениев, защитников Отечества, от каких корней растёт народное древо и каким трудом оно возвращено, чем располагали труженики земли... Зайдем в бревенчатое строение, в котором зимой – тепло, а летом прохладно. Вот у стены поблескивает лемехом и радуется красной краской плуг «путиловец» и железная борона «зигзаг». А рядом, для памяти, как говорил дед, деревянная соха с наконечником вместо лемеха, кованным местным умельцем, и деревянная борона с деревянными же зубьями. На стене – широкое, раструбом, берестяное лукошко, из которого сеятель могучей мозолистой рукой брал семена и широким аккуратным веером разбрасывал по вспаханной полосе – как разбрасывал, так они и взойдут – ровными тесными рядами, или клочками с проплешинами. А внизу стоит, сверкая лаком, сеялка, под стрехой висят косы, цепы, а внизу – косилка красуется, рядом – веялка и молотилка, предвестники комбайнов... В другом конце помещения – сельский транспорт, средства передвижения – все в этом хозяйстве было, как говорится, «на мази», соответствовало крестьянской пословице: готовы сани летом, а телегу – зимой... Да, крестьянин начала прошлого века знал, а когда бывал в городах, своими глазами видел, что аристократы, буржуи давно ездят на «моторах», хотя, ради шикю, не прочь прокатиться и на тройке с бубенцами и в расписных санях, и в коляске с вензелями, но чаще уже на «моторах» – закрытых, открытых, с откидным верхом, как в кибитках, во всяких там кабриолетах, ландо, роллс-ройсах, ленд-роверах, но, правда, не мог представить себе, что в недалеком будущем эти средства передвижения будут стоять рядом с тракторами и грузовиками во дворах и гаражах

крестьян, которым повезет выжить после революций, коллективизаций, войн и, особенно – приватизаций, и что дворы эти «переплунут», двухжирные двухэтажные сельские дома, и станут называться коттеджами, фазендами и черт знает как еще! В начале XX века и даже в начале XXI века еще в ходу были и сани, и дровни, и санки-саночки, и телеги, и тарантасы, и щегольские коляски, но главным «мотором», живым, другом и товарищем по тяжкому труду остается конь – оба они, хозяин и лошадь, были в одном хомуте и пахали на все Отечество. Доброго коня холили и лелеяли, кормили и поили, чистили и купали, всячески обхаживали, не побоюсь сказать, как самого любимого и надежного члена семьи. Конь и под плуг, и под воз, и под седло, и под праздничный выезд. И конь отвечал рачительному хозяину такой молчаливой любовью и преданностью, какой и в людях не встретишь. И вот мы идем по конюшне, и кони – один для себя, другой – для сына, который вот-вот должен жениться и жить своим домом, довольные, тянутся, чтобы их приласкали... На противоположной от яслей стене висит их амуниция: хомуты, сиделки, шлеи, седла – все точно пригнанное, – чтобы сидело, как влитое, не жало, не натирало, не беспокоило... Даже плетъ висит – не для того, чтобы ею любимца охаживать, а для порядка, для комплекта – конь, как и человек, охотнее подчиняется ласковому слову, чем кнуту, и понимает это слово. Обойдя все службы, где все и всегда в полном порядке, на своем месте, везде строгость, целесообразность, все под рукой на все времена и на все случаи жизни, заглянем в жилые помещения. Для поколения людей, выросших под открытым небом, в окопах и землянках, времянках и общажитиях, в коммуналках, летняя изба Бурковых, впрочем, как почти каждая крестьянская изба, показалась бы неоглядной. Просторные комнаты, солнечный свет в которых греет человека почти от зари до зари, с востока, юга и запада... Крашенные полы, устеленные тканями дорожками, двери, рамы, светло-небесный цвет потолка, оклеенные обоями стены, которые и без оклейки ласкали бы взор золотисто-коричневым колером тесаных бревен, но – дань моды... Широкие подоконники, на которых цветут розы, герань, горошек, перец, одинаково поражающий и желтоватыми крупными цветами и ярко-красными стручками, легкие тюлевые занавески собственного изготовления, мебель темного цвета – изделия местных мастеров, не уступающие фабричным и, справа от входа – русская печь, аккуратная, подбористая белая красавица с нишами по бокам, в которых стояли самовар, расписные кувшины. Печь эта сложена мастерами из деревни, которая так и называется Печниково, это чудо из чудес: дрова в ней, даже сыроватые, модельные, враз занимают, горят ровно и устойчиво; она долго держит тепло, и сущее блаженство полежать на ней, или на прилипшей к ней доверчиво лежанке, на полотах, особенно после долгого пребывания на морозе. Все в этой печке отменно уваривается, жарится и печется – все воздушное, румяное, аппетитное. Сверкают посудой шкафы и прилюдники – все в шкафах есть, чтобы украсить любой стол, и легко и естественно чувствуют себя в этом светлом, уютном доме и хозяева, и гости, и соседи. Поражаются порядком и чистотой, и иные хозяйки, в утешение себе, говорят: «Да что в дому – у Бурковых в хлевах и коровнике чище, чем у иных в горнице».

Что до зимней избы и примыкавших к ней помещений, то они с осени до весны превращались в комбинат, где дубили кожи, выделывали овчины, чистили, мыли и сушили шерсть, валяли сукно, обрабатывали лен, пряли, ткали, шили, толкли и мололи, имелся ручной жернов, и для всего этого имелись необходимые приспособления. Там стоял ткацкий станок-кросна, и когда его заправляли пряжей и садилась за него Анна Федоровна, мастерица на все руки, или ее дочь, с него стекали на чистый пол полотно, разноцветная пестрядь, тюль, ткань на рубахи, брюки и гимнастерки – яркая, выкрашенная естественной краской в ровный серо-голубой цвет, в носкости не уступающая знаменитой в будущем заморской джинсовой.

А в углах ждал своего часа столярный, плотницкий, сапожный припас. Потом наступал час пищевых продуктов – запаривали молотое льняное семя и конопляное зерно, заворачивали в полотно и помещали в тиски между двух плах, которые затем снизу и

сверху, с обеих сторон, подбивали клиньями – и текла золотисто-коричневая струя конопляного масла, или светло-золотистая льняного... А жмых не выбрасывали – понемножку, когда захочется, ели, и в голодные годы он всю пошел в ход.

Я далек от мысли идеализировать тогдашнюю жизнь, да и крестьянин отлично понимал, что многое отживает свой век, заменяется современным, менее трудоемким, что фабричное сукно и цветистые ситцы, «сороходовские» сапоги, штилеты и ботинки и удобнее, и легче, и красивее кустарных, что от всего старого, испытанного выживает только то, что стоит на грани искусства или заявляет о себе как подлинное народное искусство – так подробно я останавливаюсь на реалиях прошлого, чтобы показать, что русский человек мог все, и умел все, во всем находил и выявлял целесообразность и неповторимую красоту, всегда любил и глубоко чувствовал природу, и животных любил именно как младших братьев, которым нужна опека, забота и ласка, что зря у природы он не брал ничего, а если брал – старался воздать ей с лихвой, вместо спиленного дерева посадить и вырастить два. В семье Бурковых было трепетное отношение к коню, и к корове-кормилице, к любому существу из разряда «домашний скот», к верной собаке и ласковой кошке... Никто в этой семье не обижал беззащитного существа – на любви ко всему живому воспитывались дети, усваивали доброе отношение к природе и к людям. Не промышляли охотой, не стреляли в доверчивых птиц – ни в голубей, ни в рябчиков и глухарей и даже в зайцев, безжалостной судьбой как бы от рождения предназначенных в жертву человеку, ни намеренно, ни нечаянно не растоптал даже муравья – это насекомое так похоже на человека, а трудолюбием его превосходит, и часто дед, качая головой, удивлялся, как это крохотное существо тащит соломину или сухую ветку раз в десять больше, чем он сам... Безграничная любовь к труду, без которого он не видит смысла жизни, и восприимчивость к красоте, ко всей прелести бытия – главная черта истинно русского человека, чужого он не желал, не брал, к соседу дикой зависти не испытывал, и потому в нужный час преисполнялся презрением и гневом к тем, кто как раз стремился кому-то сесть на шею, захватить чьи-то богатства, захватить, отнять, украсть. Веря в добро и справедливость, умел за них постоять, а если речь шла о независимости Родины, мог бестрепетно за нее умереть.

Человек растет как дерево и достигает расцвета, если у него крепкие, глубоко ушедшие в родную землю корни. И экскурс в прошлое, не такое уж далекое – всего в один век, я делаю для того, чтобы показать, на какой почве, от каких корней вырос и прошел по жизни герой моего сказания Прокопий Михайлович Бурков, родившийся 6 июля 1896 года.

Да, это была дружная, работающая семья. Так бы и жить, внося в бытие коррективы в согласии со временем. Подрастали один за другим сыновья, старших надо женить, единственную дочь выдать за достойного человека. Приближался естественный, освященный веками раздел семьи, и Михаил Егорович и Анна Федоровна озаботились тем, чтобы поставить старшему сыну дом, выделить землю, обеспечить живностью. А там подойдет очередь второго сына, третьего, и кто-то из младших останется на отцовом дворе... Пойдут внуки, а с ними – свет и радость на склоне лет.

Но двадцатый век никому не обещал спокойной размеренной жизни. Грянула русско-японская война, унижительные поражения сухопутных войск и потрясшая сердце каждого русского гибель российского флота – Цусимская катастрофа, показавшие экономическую и военную слабость царской России. Море напрасно пролитой крови всколыхнуло народ. Рабочий, гнувший спину на молодого, жадного капиталиста, раньше крестьянина понял, ради кого и для чего он вытягивает жилы при ненормированном рабочем дне, без отпусков, при грошовой оплате, живет в конурах. Но крестьянин, всем своим существом привязанный к земле, прирученный и привыкший к послушанию, несущий в своих генах память о том, чем закончились попытки Болотникова, Разина и Пугачева дать людям волю и землю, проснулся чуть позже. Он, содержавший государство,

плативший ему налоги и подати за то, что живет на земле, основной поставщик рабочей силы на фабрики и заводы, в промышленность и пушечного мяса – в армию, все же проснулся и подумал: на кого же он, в итоге, трудится, кого кормит-поит, ради кого и за что умирает на полях сражений? Но наивная вера в царя, «помазанника Божия», еще раз сработала, и рабочие, и крестьяне поверили, что только царь и может исправить положение, дать им возможность нормальной, человеческой жизни, снимет с них навьюченные помещиками и работодателями невыносимые узы, и пошли к царю-батюшке безоружные подданные – с мирной петицией. Милостивый царь ответил расстрелом мирного шествия. И пришло отрезвление: народ понял, что никто не избавит его от непомерных налогов и поборов, воровства и казнокрадства чиновников, от рекрутских наборов, полицейского разгула, от издевательств, от нищеты. А тут еще Столыпинские реформы, отруба, крушение общинного землевладения, появление сельской буржуазии, кулаков-живодеров и, конечно, безземельных, безлошадных бедняков, сельских пролетариев, которым ничего не оставалось, как идти в рабы к новым мироедам. Началась революция. Царизм подавил ее жесточайшим образом. Снова расстрелы – на Черноморском флоте, в Выборге – всюду, где обнаруживалось «неповиновение». И через несколько лет – Ленский расстрел... Нынешние переписчики истории все это «забывают», царя возносят как образец доброты, а Столыпина – как образец государственной мудрости, и вспоминают только о том, что этот мудрец – потомок Лермонтовых, а не изобретатель «столыпинских галстуков» – петель и виселиц...

Уцелев во время народного возмущения, царь, как пелось в частушке, – «испугался, издал «Манифест»: мертвым – свободу, живых – под арест». Да, он все-таки пошел на некоторые уступки обществу, была учреждена Государственная Дума – как громоотвод народного гнева, отлично управляемая из Зимнего дворца и не решившая ни одного кардинального вопроса жизни общества. Короткое затишье царь использовал, ввязавшись в Балканскую войну, под предлогом освобождения славянских братьев от османского ига... Но, конечно, руками русских вытеснить и «заместить» Турцию на Балканах хотели и Австро-Венгрия, и Германия, и вездесущая Британия. Русскими войсками были одержаны блестящие победы в ряде сражений. Но противоречия великих держав нарастали по взаимоисключающим интересам. Сколачивались блоки и союзы, т.н. «согласия», и достаточно было искры, чтобы вспыхнул пожар новой войны, и такой искрой стал выстрел Гаврилы Принципа в австрийского эрцгерцога Фердинанда. Первая мировая война, втянувшая в огонь сражений десятки миллионов солдат, и в первую очередь российских, немецких и австрийских, для России была губительной. Отдельные успешные операции, такие, как Брусилловский прорыв, способные изменить ход войны, дальнейшего развития не получили, другими фронтами и резервами поддержаны не были... Да и кто об этом думал и ломал голову? В той войне против немцев и австрийцев русские фронты возглавляли... немцы – Ренненкампы, Маннергеймы... Во главе дивизий и полков тоже стояли прибалтийские немецкие бароны и чистокровные немцы – у них был, как теперь выражаются, свой, отличный от русского, менталитет, втайне, а то и явно, они восхищались всем немецким, преклонялись перед немецкими генералами, ненависти к ним не чувствовали, и русский народ ненавидели и нещадно гнали на смерть русских солдат. Помню, в моей роте служил старшина Ковалев, ростовчанин, участник Первой мировой и Гражданской войн – он вспоминал, что их полком командовал немец Тайхерт. Он разговаривал с русскими солдатами исключительно кулаком – даже отрапортовать о выполнении приказа нельзя было, не получив удара в лицо, не говоря уж о том, чтобы о чем-то спросить или пожаловаться – убьет, не моргнув глазом... По командам таких людей русские солдаты шли в бой, тонули в Мазурских болотах, оставались навечно лежать на полях Галиции, в Карпатских горах, задыхались от газовых атак, а царь гнал в огонь новые армии, корпуса и дивизии – мало того, он послал Русский экспедиционный корпус на помощь французам, и французские генералы, эти потомки «непобедимого» Наполеона, бросали

русских солдат в самые гиблые места сражений наряду с марроканцами и прочим «пушечным мясом» из колоний. Множилось количество невосполнимых утрат, калек, больных, ежедневно Россия обретала осиротевших стариков, тысячи вдов и бесчисленное число сирот. А война – это не только атаки и кровь, разгул смерти, но и без конца растущие потребности в хлебе, одежде, снаряжении и оружии, боеприпасах, это труд на обезлюдивших полях тех, кто не подошел в строй, – малолеток, женщин, стариков, это работа у станков, в шахтах и рудниках, это бесконечно растущие налоги и всевозможные поборы.

Экономические и людские ресурсы страны истощались, союзники всячески волинили с выполнением российских военных заказов, российские деньги оседали в европейских банках (потом на эти деньги будут содержать, учить и готовить к нападению на Советскую Россию белогвардейские воинские соединения!)... Народ устал от ненужной ему войны за чуждые России интересы, измученные непосильным трудом, недоеданием, нищетой рабочие и крестьяне склонялись к мысли, что с этой войной надо кончать, и все больше обретала сторонников идея большевиков о выходе из войны и заключении мира без аннексий и контрибуций... Но идея идеей, а война продолжалась, победа в ней не маячила даже перед самыми, что называется, ура-патриотами, а сражения следовали одно за другим. Росло брожение и возмущение в солдатской и матросской среде, в народных массах. И правящая верхушка России решила отвести угрозу всенародного взрыва и свалить все беды на царя, вовсе не безгрешного. Узкий заговор думских воротил и генералов, Родзянко и компании привел к отречению царя, а затем и его брата – совершилась Февральская революция, рухнула трехсотлетняя династия Романовых, возникло буржуазное Временное правительство, много чего обещавшее народу, но с войной не было покончено, как надеялись люди, – наоборот, война продолжалась, и Керенский со своим кабинетом министров призывал довести ее до победного конца.

От семьи Бурковых война потребовала старшего сына Прокопия Михайловича – остальные были еще мал мала меньше. К моменту призыва он работал печатником в уездной типографии. Был в те времена веками освященный обычай: по окончании полевых и уборочных работ в многодетных семьях кто-либо, обычно старший сын, шел на отходные промыслы... Дом ему и хозяйство собирали не в один год, и надо было еще подзаработать. Бывало, что на заработки уходил младший сын, которому дольше всех предстояло ждать выделения на самостоятельное хозяйство... Мой дед по отцу, который умер до моего рождения, Кузьма Васильевич, был младшим из братьев – каким образом, с чьей помощью или благодаря чьему совету пошел он в монастырь и несколько лет был послушником на Соловках – неведомо, но вернулся грамотным, возможно, и денег какую-то толику принес и поставил дом, но и обзавестись всем, о чем мечтал, ему не довелось – на жену, сыновей и трех дочек оставил он недоделанные дела...

Прокопию Михайловичу было проще: дом держался на родителях, на подрастающих братьях и сестре. Не исключено, что, если бы не война, он мог и не вернуться в деревню, и одним пролетарием было бы в России больше – крестьянство не только кормило страну и выставляло сыновей на ее защиту, но и пополняло рабочий класс, и нередко ушедшие на заработки в лапотках и домотканых кафтанах через энное время становились мастеровыми людьми, пробивались в инженеры, а то и шли по дороге, протоптанной Михайлом Ломоносовым... И никто никогда не скажет, сколько и каких потенциальных талантов было погублено в войнах – добро бы только за Отечество, а гибли Бог весть за что, хватали по приказу царя каштаны из огня для разжиревших на человеческих бедах мусье, мистеров-твистеров за морями и океанами.

С военной службы, с участия в первой мировой войне начался для героя этого сказания путь служения Отечеству. Эта служба определила характер всей его жизни...